

НОВОСТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 5 (1177)

Май, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕННАДИЙ РУСАКОВ — На стрижином языке, стихи	3
ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР — Тени. Лица. Голоса, роман	8
СВЕТЛАНА КЕКОВА — Памяти Николая Заболоцкого, стихи	53
АЛЕКСАНДРА ЖУКОВСКАЯ — Мать порядка, роман	56
АНДРЕЙ АНПИЛОВ — Обычных вещей голоса, стихи	97
ЕВГЕНИЙ ТИЩЕНКО — Мимо гроба, рассказы	103
ИВАН СОРОКИН — Ангел памяти, стихи	111
НИКОЛАЙ КОЛЯДА — Сосямба, рассказ	114
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ — Слепок, стихи	122
АННА МАТВЕЕВА — Известная. Неизвестная — Иван Крамской	125
ВАДИМ МЕСЯЦ — Последнее танго, стихи	143
ЕВГЕНИЙ ПОПОВ, МИХАИЛ ГУНДАРИН — Шукшин в 1967 году. Глава из книги «Василий Макарович»	149

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 120-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО:

Александр Мелихов. Гениальный счетовод; **Александр Марков.** Заболоцкий и объектно-ориентированная онтология; **Александр Костерев.** «Система кошек» Николая Заболоцкого; **Татьяна Зверева.** «Доживем до понедельника»: о чем поет иволга? **Евгений Кремчуков.** «Троица» Заболоцкого; **Леонид Дубаков.** Советская смерть; **Ирина Сурат.** Разговоры с птицами; **Василий Авченко.** Геохимии и лирики, или Необозримый мир туманных превращений; **Татьяна Северюхина.** «Начало зимы»; **Герман Власов.** Категории «мастер» и «ученик» в поэтике Н. Заболоцкого; **Павел Улизко.** Сентиментальное путешествие. Вступительное слово Владимира Губайловского

161

ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — О «природе» в русской поэзии и у Заболоцкого в частности	185
ИГОРЬ СУХИХ — Вселенная Заболоцкого: между Андромедой и Солярисом	192

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

ОПЫТЫ

ЛЕОНИД КАРАСЕВ — Три заметки о Пушкине 198

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Андрей Ранчин. Подтексты и символы Иосифа Бродского (О. В. Богданова,
Е. А. Власова. Поэтические миры Иосифа Бродского) 210

КНИЖНАЯ ПОЛКА ДМИТРИЯ БАВИЛЬСКОГО 214

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги 222

Периодика (составитель А. Василевский) 224

SUMMARY 240

**В 2023 году физические лица могут подписаться на журнал
в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз;
стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)**

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: <http://new.nm1925.ru> • <http://nm1925.ru>

**Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно
на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/**

**или в электронном каталоге «Почты России»:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН379>**

Монах! Ты висельником стал!
 Прощай. В моем окошке,
 Справляя дикий карнавал,
 Опять несутся кошки.
 И я на лестнице стою,
 Такой же белый, важный.
 Я продолжаю жизнь твою,
 Мой праведник отважный.

Татьяна Зверева, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

«ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА»: О ЧЕМ ПОЕТ ИВОЛГА?

Вышедший на исходе оттепели фильм Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника» начинает кинематографическую судьбу стихотворений Николая Заболоцкого. Подхватывая уже сложившуюся к этому времени традицию «поэтического кинематографа» («Застава Ильича» и «Июльский дождь» М. Хуциева, «Дневные звезды» И. Таланкина, «Мольба» Т. Абуладзе и т. д.), Ростоцкий стягивает узловые темы фильма к стихотворениям Е. Боратынского, Н. Заболоцкого, Г. Полонского, Б. Пастернака — поэма последнего маячит за историей лейтенанта Шмидта. Почти все стихотворения звучат в исполнении Вячеслава Тихонова, сыгравшего главную роль учителя Ильи Семеновича Мельникова. Песня на стихи Н. Заболоцкого «Иволга» («В этой роще березовой...») — не только композиционный центр фильма, но и ключ к образу главного героя, судьба которого намечена лишь пунктирно.

Способ обрисовки персонажа и в повести и в фильме — скорее чеховский, поскольку подлинная история Мельникова спрятана (не случайна в этой связи скрытая отсылка к Чехову во фразе, брошенной директором школы: «— Ах, вот как ты заговорил... Куда ж ты пойдешь, интересно? *Крыжовник* выращивать? Мемуары писать?»). Что делает в школе Илья Семенович Мельников — русский интеллигент, бывший фронтовик, почитатель раннего Маркса, блестящий эрудит, в книжных шкафах которого стоят дореволюционные издания Герцена, Ключевского, Соловьева, Тарле?.. В минуту отчаяния Илья Семенович закрывается в своей комнате (украшенной, кстати, репродукцией картины Николая Ге «Что есть истина?») и, аккомпанируя себе на стареньком пианино с канделябрами, поет. «К вокалу это не имело отношения, само собой. Имело — к дождю, к черной пятнице, к металлическому вкусу во рту после чтения газет и писем от дураков, к непоправимости, в которой складывалась и застывала „объективная реальность, данная нам в ощущениях“; против этого он пел...»

В этой роще березовой,
 Вдалеке от страданий и бед,
 Где колеблется розовый
 Немигающий утренний свет,
 Где прозрачной лавиной
 Льются листья с высоких ветвей, —
 Спой мне, иволга, песню пустынную,
 Песню жизни моей.

Этот камерный эпизод сопровождается характерным визуальным рядом — камера всматривается в фотографии, подолгу останавливаясь на фронтовых снимках. Фронтальная судьба главного героя очерчена в фильме скупой — зри-

тель узнает, что Мельников воевал под Вязьмой и что директор школы Николай Борисович вынес его раненого из окружения. Оборонительные бои под Вязьмой в 1941 году — одна из самых трагических страниц советской истории, об этих событиях не любила говорить официальная историография (катастрофическое поражение Красной армии окончилось очередным «котлом», в который попали около 600 000 русских солдат пленными; число убитых и раненых превысило 380 000). Выйти живыми из этого пекла было практически невозможно. Этим и объясняется дружба двух таких разных людей, как Николай Борисович и Илья Семенович. Вероятно, бывший фронтовой друг и нынешний директор школы представляет убежище Мельникову — несостоявшемуся ученому-историку, который не может окончить диссертацию вследствие «неудобности» темы, связанной с политическими репрессиями (на столе Ильи Семеновича лежит журнал «Каторга и ссылка»). Все эти смыслы остаются в глубине фильма, звучащая песня лишь намекает на них, в большей степени режиссер сосредоточен на передаче душевного состояния героя. Ключевым словом в выше процитированном фрагменте является слово «против». Стихи — один из немногих доступных человечеству инструментов противостояния «непоправимости» и «объективной реальности», от которых пытается бежать Мельников. На какое-то мгновение иволга оказывается единственной собеседницей героя.

О чем же пела иволга Заболоцкого — тогда, в 1946 году, когда поэт вернулся из ссылки? К слову сказать, Заболоцкий любил птиц, и в его поэзии их очень много (ласточки, лебеди, кукушки, воробьи, журавли...). «Птичий контекст», конечно же, не случаен: птицы Заболоцкого — вестники других миров. В «Иволге» пение птицы и гипнотическая красота березовой рощи воплощают идею Божественной гармонии (в «розовом свете» видится отсвет Света Фаворского). Поэт заставляет поверить себя и читателя в возможность высшей гармонии, но тут же обнажает ее хрупкость: через «пустынную песню» иволги слышатся взрывы; «деревянная дудочка» уступает место «вороньему крику» пулемета, «розовый свет» сменяется «мглой». Центральные строфы стихотворения рисуют апокалипсическую картину атомной войны:

...И уже на пределах ума
 Содрогаются атомы,
 Белым вихрем взметая дома.

Творимая человечеством История затмевает «Свет присносущный», и человек в этой жизни обречен быть солдатом, а не Божественным соглядатаем. Последняя строфа возвращает читателя к свету, но этот свет возникает как помертвное видение героя. Примечательно, что в конце стихотворения авторская интонация неожиданно ломается:

И над рощей березовой,
 Над березовой рощей моей,
 Где лавиною розовой
 Льются листья с высоких ветвей,
 Где под каплей божественной
 Холодеет кусочек цветка, —
 Встанет утро победы торжественной
 На века.

Вопреки авторскому намерению, тема войны оказалась доминирующей, финальный слом ритма говорит гораздо больше, нежели авторские декларации. Заболоцкий написал «Иволгу» в 1946 году, почти сразу после своего освобождения. Война была позади, в прошлом остались и годы каторги, однако поэт понимал, что жернова истории по-прежнему перемалывают человеческие судьбы, и что победа Света не может быть окончательной.

Георгию Полонскому — поэту и большому знатоку русской словесности — было важно выстроить свой сценарий на поэтических цитатах, в значительной мере углубляющих смысловую перспективу и создающих «второй план» будущего фильма. Обращение к имени Заболоцкого не было случайным (друзья Полонского вспоминают, что при случае он любил читать наизусть стихи поэтов начала XX века, в том числе и раннего Заболоцкого). Свою дипломную работу, ставшую впоследствии основой кинокартины, Полонский писал в 1966 году, когда отечественная история в очередной раз подверглась реставрации и была принята попытка реабилитации имени Сталина (знаменитые письма «тринадцати» и «двадцати пяти» были написаны в 1966 году, это была слабая попытка сопротивления происходящим процессам). Песня на стихи репрессированного и впоследствии реабилитированного поэта не только напоминала о 1930-х, но и предупреждала о возможности их возвращения. В преддверии холодных времен, на излете оттепели С. Ростокский подхватывает эти идеи, стягивая узловые темы своей картины к стихотворению Заболоцкого. «Доживем до понедельника» выходит в роковой 1968 год, когда советская интеллигенция будет вынуждена признать свое поражение, а песня иволги смолкнет под звуками танков...

Как безумные мельницы,
 Машут войны крылами вокруг.
 Где ж ты, иволга, леса отшельница?
 Что ты смолкла, мой друг?

Евгений Кремчуков, поэт. Чебоксары.

«ТРОИЦА» ЗАБОЛОЦКОГО

В нежно мною любимом стихотворении 1948 года «Прохожий» есть любопытная деталь, на которую нечасто обращает внимание читатель. Знаменитые эти стихи словно бы окольцованы, замкнуты повторением одной и той же точной женской рифмы: «тревоги — дороги» сопровождают друг друга и в первой, и в последней из восьми гениальных строф Заболоцкого. Умышленно так вышло или нечаянно, в сущности, не имеет решающего значения для того, кто находится по эту сторону чуда, ведь для него важен не замысел творца, но подлинное совершенство творения. Творения, в котором они, замысел и творец, соединившись, навек и ныне воплощены.

Само же подобное зеркальное, повторяющееся отражение всякий раз вызывает во мне воспоминание об иконе Святой Троицы письма Андрея Рублева, где, образуя собою не явленный, но явственный круг, фигуры левого и правого ангелов так же повторяют очертания стоящей между ними на престоле жертвенной чаши — потому что сами ангелы у Рублева суть не только лишь свидетельство о ней, но и собственно эта чаша.

Удивительно, что и пространственная (если угодно, кинетическая) организация «Прохожего», когда бы мы представили ее графически, напоминает форму колокола, или прописной «омеги», или, скажем, потира — чаши причастия, только лишь перевернутой, обращенной не к небу, а к земле. В самом деле, приглядимся: первые десять строк представляют нам горизонтальное движение человека, «прохожего» по человеческому миру. Оно и описано глагольными формами поверхностного перемещения: «шагает», «ушел», «свернув», «входит». Единственным исключением (и, обмолвимся, неясным обещанием чего-то иного, ожидающего и этого прохожего, и каждого из нас вместе с ним в недалеком будущем) выглядит «вставшая» над кровлями луна, но и она, «сияющая из-за края амбара», в сущности, привязана здесь к земному и человеческому, *горизонтальна*.